

[Didro D. Filosofskie, istoricheskie i drugie zapiski razlichnogo so-derzhaniya (god 1773-j, s 5 oktyabrya po 3 dekabrya // Didro D. Sobr. soch. : v 10 t. T. 10. M., 1947. S. 41–263.]

Екатерина II. Мемуары // Памятник моему самолюбию, М., 2003. С. 171–541. [Ekaterina II. Memuary // Pamyatnik moemu samolyubiyu, M., 2003. S. 171–541.]

Письма Императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму (годы с 1774 по 1796) // Сб. Императ. Рус. ист. о-ва. Вып. 23. СПб., 1878. С. 320–580. [Pis'ma Imperatritys Ekateriny II baronu Mel'khioru Grimmel (gody s 1774 po 1796) // Sb. Imperat. Rus. ist. o-va. Vyp. 23. SPb., 1878. S. 320–580.]

Сегюр Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С. 313–457. [Segyur L.-F. Zapiski o prebyvaniii v Rossii v tsarstvovanie Ekateriny II // Rossiya XVIII veka glazami inostrantsev. L., 1989. S. 313–457.]

Строев А. Ф. «Те, кто исправляет Фортуну» : Авантуристы Просвещения. М., 1998. 398 с. [Stroev A. F. «Te, kto ispravlyayet Fortunu» : Avanturisty Prosveshcheniya. M., 1998. 398 s.]

Статья поступила в редакцию 23.04.2013 г.

УДК 821.133.1 Дидро + 821.161.1-94 + 82(091)

В. С. Рабинович

НАШ СОВРЕМЕННИК ДЕНИ ДИДРО, ИЛИ ПРОСВЕЩЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Рассматривается популярность просветительских идей Д. Дидро в современной России. Анализируется злободневность его письма-трактата «О терпимости». По мнению автора, эпоха Просвещения для России еще не завершилась, и пока она продолжается, Дидро злободневен, а значит, современен.

Ключевые слова: Д. Дидро; просветительские идеи; русское Просвещение; современность.

Дени Дидро, знаменитый французский просветитель и энциклопедист, 300-летие со дня рождения которого отмечается в этом году, наверное, менее всего думал о вечности. Это был герой очень конкретного времени, и большая часть его работы — на злоу дня двух с половиной вековой давности. Он и не писал для вечности, будучи неофитом, проповедником, говоря по-современному — пропагандистом ценностей и идеалов эпохи Просвещения, которая по времени совпала с его жизнью. Эти идеалы и ценности он и проповедовал всеми возможными способами: и напрямую — в трактатах и в статьях, и образно — в художественных текстах. Художественное совершенство не было для него самоцелью, главное — убедительно донести идею. Иногда кажется, что и идеи эти в наше время — уже по большей части троизмы. Что люди равнозначны, что человечество едино, что терпимость — это хорошо, а нетерпимость — плохо и др. «Политкорректные» современные истины, кажущиеся самоочевидными. Тогда же, в XVIII в., все это казалось новым, неожиданным, спорным и даже опасным. Ведь это было так ясно и просто: благородный аристократ выше простолюдина, единоверец выше иноверца, единая для всех истина верна,

а «неправильные» точки зрения должны пресекаться и караться. Воля отца в доме, воля монарха в стране, как и воля Бога во вселенной, непререкаемы и сакральны. Просвещение поставило незыблемость этих истин под сомнение. Это стало открытием. И просветитель Дидро с упорством и методичностью отличного школьного учителя «вдалбливал» просветительские истины в головы своих современников, включая русскую императрицу Екатерину II, с которой он переписывался и непосредственно общался, искренне надеясь через ее «перевоспитание» сделать Россию просвещенной монархией.

Но что делает Дидро исключительно популярным сейчас, когда, казалось бы, его истины перестали быть открытиями и стали в каком-то смысле трюизмами? Ведь эпоха Просвещения давно позади.

А позади ли? Скорее нет. Начавшись чуть более двух с половиной веков назад, она продолжается по сей день. И будет продолжаться еще долго. И не только побеждать, но и отступать тоже, и вызывать разочарование, и много раз были, есть и еще будут откаты назад, в «допросветительские» века. В конце концов, что такое немецкий нацизм (да и любой нацизм вообще), как не декларативное, демонстративное анти-Просвещение?! Отрицание Просвещения. Бунт против Просвещения. По всем пунктам!

В свое время Дидро адресовал русской императрице Екатерине II письмо-трактат «О терпимости», где он подробно, по-преподавательски досконально перечисляет всевозможные негативные последствия «нетерпимости, в особенности у государя». Это сквозной рефрен — нетерпимость государя. Читаешь это письмо, и представляешь себе не далекий XVIII век, а весьма недавнее прошлое и настояще:

Нетерпимость рождает злобные доносы и сеет ненависть среди подданных. Нетерпимость ограничивает умы и увековечивает предрассудки. Нетерпимость всегда враждебна истине и выгодна лишь лжи. Истина любит критику, от нее она только выигрывает, ложь боится критики, ибо проигрывает от нее. Нетерпимость была одним из страшных бичей моей родины. Она не только привела к кровопролитию и изгнанию бесчисленного множества превосходных людей всякого рода, обогативших соседние королевства, она привела, кроме того, к гибели многие превосходные умы.

Ведь все это о нас; точнее, и о нас тоже. О «злобных доносах» со стороны коллег на генетиков и «космополитов» (борьба с которыми, похоже, возобновляется). О многочисленных «волнах» эмиграции, обогативших «соседние королевства» Буниным, Набоковым, Бродским, Ростроповичем и не только ими, покидавшими и поныне покидающими страну не в поисках пресловутой «колбасы» (на «колбасу» послушным, да еще и к тому же талантливым «инженерам человеческих душ» во всех видах искусств у нас не принято скупиться), а в поисках творческой да и просто человеческой свободы. О талантливых и мыслящих людях, уходивших в советское время и поныне уходящих в дворники, сторожа и операторы котельных — от все той же «безвоздушной» безысходности, о спившихся и спивающихся по этой же причине ученых, мыслителях, художниках, об их безвозвратно погибших или погибающих «превосходных умах». И еще о многом.

Дидро — рационалист, он оценивал мир не в абсолютных величинах, для него всегда существовали мера и число. Что абсолютная свобода есть фантом, это он понимал. Но если общество, привыкшее к большим степеням свободы слова и мысли, вдруг загоняют в отчетливо меньшие размеры, — Дидро вполне убедительно и логично просчитывает последствия. Вначале — протест, повышенное «негодование и раздражение», повышенный интерес к запретным темам и авторам, всплеск всяческого свободомыслия (если при привычных степенях свободы таковой не очень и дорожили, — не дорожим же мы воздухом, когда можем вдыхать его полной грудью, — то когда эти степени свернулись и скучились, потерянное и резко сокращенное враз обрело ценность).

Со временем дело меняется, и власть подавляет нацию.

Всякая вспышка энтузиазма проходяща. Он завладевает лишь современным поколением. Работа, остающаяся втайне, лишает славы и выгоды. Энтузиасты умирают, не оставив после себя потомства. Люди перестают мыслить, когда перестают читать. Перестают же читать, когда утрачивают интерес к чтению. Наступает период огрубения. Язык начинает вырождаться. Всегда язык считался показателем состояния умов в народе.

В самом деле, единомыслие неизбежно обрекает на огрубение и вырождение. Если нестандартная мысль опасна, то ее потенциальным генераторам остается либо обогащать «соседние королевства», либо биться живой (и к тому же умной) головой о железную стену, либо... Третье «либо», между прочим, самое простое. Падать — не подниматься. Мысль — это, между прочим, еще и серьезный, напряженный труд. А если этот труд не востребован, так без него даже проще. И если нет «мыслепорождающей» среды, если есть система готовых, заученных с младых ногтей истин, если есть незыблемый «краткий курс» (в любом варианте), то достаточно однажды «надстроить» над ними пару-тройку чуть-чуть «фрондерских» идей, подкрепить их более или менее убедительной аргументацией и периодически, по поводу и без повода, их высказывать — и тебе уже ничего не стоит раз и навсегда обрести репутацию «мудреца», «смельчака» и едва ли не «диссidenta». Даже если эти мысли будут не глубже того, что в «кратком курсе». Зачем же дальше расти, подниматься, «собирать себя»? А уж остальным, тем, кто удовлетворился доступно понятным «кратким курсом», — и подавно. Наступает период огрубения. Все по Дидро. И по Дидро же — язык начинает вырождаться — за ненадобностью выражения более или менее сложных смыслов.

Современные студенты из числа программных текстов с особым интересом читают повесть Дидро «Монахиня», которую когда-то в советские времена массово издавали во всевозможных библиотечках атеистической литературы. Чем интересен этот далеко не совершенный по стилю, описывающий давнопрошедшие реалии текст в наше время «религиозного возрождения»? Наверное, все тем же именно просветительским (не атеистическим, а именно просветительским) истолкованием взаимоотношений между человеком и Богом, просветительским несогласием с архаичным клерикализмом.

В чем драма героини повести Дидро? Не в том, что она в монастыре, а в том, что она в монастыре именно по земным причинам, в том,

что ее фактически вынудили стать монахиней, решая сугубо земные проблемы, связанные с репутацией семьи, наследством и т. п.

Так получилось, что одна из дочерей в семье Симонен — фактически незаконнорожденная. И уже своим видом, своим присутствием постоянно напоминает собственной матери об ее грехе, вызывает подозрения у не знающего всей правды отца. А когда встанет вопрос о наследстве, «законные» дочери, чтобы увеличить свои доли, начнут «раскапывать» правду, а раскопав, решатся по жертвовать репутацией семьи. В общем, Сюзанна из повести Дидро одним своим присутствием мешает. И находится выход — вывести ее в пространство сакрального, в котором все земные связи и обязательства теряют смысл. Теперь ее нет рядом, теперь она не может претендовать на наследство, теперь ничто не угрожает репутации семьи. Вот только сама Сюзанна не испытывает внутренней потребности посвятить себя Богу, это решено за нее, ее посвятили Богу, решая земные, отчасти материального характера проблемы. И вот здесь обнаруживается сакральная подмена. Ее актуализировало Просвещение, ее выявил Дидро, в «Монахине» ее осознала сама героиня повести: «Делая то, что другим приносит спасение, я ненавижу себя и гублю свою душу. Словом... я считаю истинными монахинями лишь тех... кто остался бы в монастыре даже и в том случае, если бы вокруг не было ни решеток, ни толстых стен... Истинное кощунство совершаю я, совершаю его ежедневно, оскверняя презрением священные одежды, которые ношу».

В «Монахине» довольно натуралистично описаны издевательства, которым подвергалась героиня в разных монастырях. Но это не выглядит смакованием жестокости. Здесь явный подтекст: в самом деле, разве стали бы настоящие монахини, по собственному выбору посвятившие себя Богу, издеваться над «монахиней поневоле», попавшей в монастырь в силу земных обстоятельств, страдающей в нем? Скорее, пожалели бы ее, попытались бы открыть ей то, что открылось им, что привело их в монастырь. А поведение благочестивых «сестер» из «Монахини» Дидро показывает: они сами в большинстве своем когда-то попали в монастырь поневоле, в силу земных обстоятельств, как и Сюзанна, только они уже смирились, а она — нет... Понятна ненависть: нам всем плохо, чем ты лучше нас? А дальше — уже законы замкнутого сообщества принудительно согнанных людей: тюрьмы, «зоны», призывной армии...

В современной России феномен монашества эксклюзивен и, как правило, базируется на добровольном решении. Но во многих других аспектах, увы, корыстная сакрализация земного, использование религиозной риторики для решения земных проблем, «идеологизация» религии и «клерикализация» государственных институтов, религиозная цензура по отношению к светской культуре (с апелляцией не к разуму и совести, а к «городовому», чиновнику или казакам с нагайками) — все это атрибуты нашей реальности. Эпоха Просвещения уже прикоснулась к этому проблемному полю во времена Вольтера и Дидро. Но эпоха Просвещения еще не завершилась. И пока эпоха Просвещения продолжается, злободневный Дидро современен. И еще долго будет современен.